

Он держал бамбуковую курительную трубку, словно изящный фонарь из хрустала. Тело его тонуло в тени, а ноги купались в солнечном свете, и эта граница света и тьмы делила его пополам. Подняв глаза на Шэнь Фаши, он улыбнулся — черты лица были будто выписаны тушью, с чётким началом и завершением каждого штриха, точно на пейзажном свитке. В его взгляде мелькала лёгкая, неуловимая усмешка:

— Учитель, а если я откажусь?

Губы коснулись мундштука, он лишь успел сделать лёгкую затяжку, как трубку у него вырвали.

Цзи Саньмэй замер. То таинственное обаяние, словно у духа-лисы, что начало было вокруг него сгущаться, безжалостно развеяли. Левая рука так и застыла, сжимая трубку, а сам он стал похож на котёл, из которого внезапно вынули все дрова.

Видя его ошарашенное и трогательное выражение лица, Шэнь Фаши не удержался от улыбки. Ловко обернув трубку вышитым кисетом с табаком, он убрал её в свой рукав:

— Бросай курить.

Уголки губ Цзи Саньмэя вдруг поползли вверх.

Он поджал ноги, оттолкнулся локтями и, подобно резвому оленёнку, вскочил на табурет. Обвив руками шею Шэнь Фаши, он приподнялся на цыпочках и повис на нём.

Из его приоткрытых губ медленно выползла струйка невыдохнутого белого дыма. Сквозь полупрозрачную дымку можно было разглядеть, как мягкий кончик языка коснулся задней стороны зубов. Идеально круглое дымовое кольцо накрыло кончик носа Шэнь Фаши, а в следующее мгновение язык проворно завертелся во рту, выпустив спираль дыма. Та впорхнула за ворот его одежды, словно маленький гвоздик, ввинчивающийся прямо в сердце.

Выпустив весь дым, Цзи Саньмэй игриво склонил голову набок.

— Я человек неприхотливый, — сказал он, положив ладонь на грудь Шэнь Фаши. — От табака я не откажусь. Но если бы учитель сам курил, а потом вдохнул дым в мои уста...

Дыхание Шэнь Фаши прервалось. Он стащил с себя этого маленького соблазнителя:

— Марш в комнату. Перепиши «Сурангама-сутру» («Лэньянь-цзин»). Пока не закончишь — ни одной затяжки.

Сказано это было так, что не поспоришь. Цзи Саньмэй, слегка опешив, поплёлся прочь.

Когда тот удалился, Шэнь Фаши дотронулся до груди, туда, где дым прожег маленькую дырочку прямо в сердце. Уголки его губ дрогнули, наметив едва уловимую, но довольную улыбку.

Увы, улыбке не суждено было оформиться — маленький негодник тут же вернулся.

Ухватившись за косяк, он высунул голову в дверь и сияюще произнёс:

— А когда я перепишу, учитель меня чем-нибудь наградит?

Не дожидаясь ответа, Цзи Саньмэй сам вынес приговор:

— Пусть тогда учитель меня искупает в наказание.

Шэнь Фаши: «...»

Сказав это, Цзи Саньмэй развернулся и умчался, не оставив Шэнь Фаши ни шанса на возражение. Прядь его волос, взметнувшись на повороте, скользнула по дверному косяку — и будто задела самое сердце Шэнь Фаши, вызвав нестерпимое щемящее желание.

Едва Цзи Саньмэй скрылся из виду, Шэнь Фаши тут же поднялся и направился в умывальную.

Примерно четверть часа спустя Ван Чуаньдэн вышел из комнаты и увидел, что Чанъань стоит, прижимая к груди полотенце, и уставился в сторону умывальной, словно чего-то ожидая.

Ван Чуаньдэн:

— Ты что это делаешь?

Чанъань, сжимая полотенце с решительным видом, ответил:

— С тех пор как появился младший брат, учитель стал очень следить за чистотой. Я тоже буду чистым, тогда младший брат меня полюбит.

Ван Чуаньдэн: «...»

Он счёл, что с такими ранними романтическими наклонностями нужно бороться жёстко. Поэтому он просто перехватил это дерево пополам, взвалил на плечо и отнёс обратно в комнату:

— Уроки сделал? Нет? Так чего же ты тут егозишь?

После столь простого и грубого воспитания со стороны Ван Чуаньдэна Чанъань начал верить, что в последнее время он слишком предавался праздности и забросил учёбу.

Только усердно тренируясь, можно будет играть с младшим братом.

Появление Цзи Саньмэя сильно подстегнуло усердие Чанъаня в практике. Хотя сам виновник торжества об этом и не подозревал.

Проведя большую часть дня в муках никотиновой ломки и позёвывая, Цзи Саньмэй сдал свою первую письменную работу.

Его размашистый, дерзкий почерк совсем не походил на детский.

Шэнь Фаши перелистал толстую стопку бумаг и вынес вердикт:

— Твой почерк слишком легковесный.

— А что в нём легковесного?

— Слишком свободный, без удержу. Вот, посмотри, этот штрих слишком длинный. Как ноги у человека — если они слишком длинные, иероглиф теряет соразмерность...

— А разве длинные ноги это плохо? — Цзи Саньмэй подпер подбородок рукой и снова зевнул. Его глаза, подёрнутые влагой от зевоты, ясно отражали Шэнь Фаши. — Они же могут

дотянуться до учительского одеяла.

Шэнь Фаши сегодня уже мылся и не собирался вступать в пререкания. Он бросил Цзи Саньмэю новый вышитый кисет.

Аромат табака в кисете был свежим и душистым. Цзи Саньмэй, шурша, развязал его, зарылся носом внутрь, вытащил несколько листочков и принялся медленно их разжёвывать. С первого же раза он определил — это высший сорт табака, выращенный на пурпурно-яшмовой почве в районе Сяньчэн, тщательно нарезанный и высушенный.

В мире смертных такой маленький мешочек стоил бы сотни золотых.

Глаза Цзи Саньмэя блеснули, в голове созрел план:

— Учитель, а ещё есть? Боюсь, не хватит...

Шэнь Фаши не дал ему возможности воплотить коварный замысел в жизнь, не отрываясь от своих дел, бросил:

— Не думай спекулировать этим в мире людей. Когда кончится — приходи.

Цзи Саньмэй на словах согласился, но выполнять и не думал. Вернувшись в комнату, он тотчас высыпал весь табак из кисета и принялся пересчитывать каждый листочек.

Всего оказалось две тысячи пятьдесят штук. Он припрятал тысячу, намереваясь при первой же возможности вынести их за пределы монастыря и выменять на что-нибудь ценное.

Последующие семь дней, помимо переписывания сутр и бессмысленной траты бумаги, Цзи Саньмэй бездельничал в своей келье. Когда находило вдохновение, он брал две кисти и одновременно, левой и правой рукой, выводил на бумаге буддийские сутры, которые запоминал с первого прочтения.

На седьмой день в обитель неожиданно нагрянул настоятель монастыря Цзюэми.

Монастырь Цзюэми изначально был крошечным храмом, где обитало не более пятидесяти монахов. Настоятель изо всех сил старался поддерживать его, но скудные пожертвования паломников едва позволяли монахам не голодать.

А шесть лет назад Шэнь Фаши, неизвестно почему, избрал именно Цзюэми для своего пострига.

Первым делом после пострига он выкупил всю гору Летящего Медведя, на которой стоял монастырь, вложил огромные средства в его расширение, возвёл золотые статуи всем небесным буддам и ста восьми архатам. Сам же скромно поселился в тихой, уединённой обители на территории монастыря, числясь мирянином-послушником.

Настоятель Цзюэми никогда не видел столь оригинального способа ухода от мира. Его захлестнула волна внезапно обрушившегося богатства, но, будучи человеком, преданным Будде, он не смел противиться. Учитывая, что Шэнь Фаши ранее был даосом, он позволил ему не принимать полного монашеского обета.

Однако, когда Шэнь Фаши только переехал, с ним был лишь Ван Чуаньдэн. Спустя несколько лет вдруг появился Чанъань, а теперь ещё и какой-то ребёнок неизвестного происхождения.

Монастырские земли — всё же не рынок. И хотя Шэнь Фаши был главным благодетелем Цзюэми, настоятель счёл нужным лично проверить, что происходит.

Когда настоятель прибыл, Цзи Саньмэй как раз упражнялся в одновременном письме двумя руками. Но теперь это был уже не дикий скорописный стиль, а убористое и строгое стандартное письмо.

Он переписывал «Сутру Помостра Земли» («Дицзан-цзин»).

Увидев это, настоятель был потрясён до глубины души. Он увлёк Цзи Саньмэя беседой о буддизме, а тот, мастер говорить с людьми на их языке, сохранял безмятежное выражение лица, был почтителен и отвечал на все вопросы. После нескольких таких бесед настоятель уверился, что перед ним — будущий великий монах, драгоценный талант для учения. Он поспешил к Шэнь Фаши, надеясь уговорить его позволить Цзи Саньмэю принять постриг. Со слезами на глазах настоятель уверял, что у Цзи Саньмэя проблески гениальности, каких у него самого не было и в тридцать лет, и так далее.

Шэнь Фаши всё это время молчал. Дождавшись, когда настоятель выскажется, он спросил:

— Золотые статуи архатов в зале Цяньмин, не пора ли их обновить?

Настоятелю почудилось, будто он забрёл на рынок, а напротив сидит спекулянт, у которого на всё есть своя цена.

Намерение Шэнь Фаши было ясно: он не собирался отпускать мальчика. Настоятель долго метался между желанием заполучить талант и будущим процветанием монастыря, прежде чем с тяжестью в сердце выбрать последнее.

С тех пор настоятель часто навещался в обитель, терпеливо и настойчиво уговаривая Цзи Саньмэя, чьё утро было полно мирских соблазнов, обратиться в лоно Будды.

Странное дело: хотя Цзи Саньмэй и не помышлял расставаться со своей шевелюрой, он всякий раз охотно беседовал с настоятелем о буддизме и сутрах до самого заката.

Чанъань это очень удивляло, и втайне он спросил Цзи Саньмэя:

— Младший брат, тебе нравится буддийское учение?

<http://bllate.org/book/16281/1466131>